

© 1999 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

ПРИНЦИП КОМПОЗИЦИОННОСТИ В НЕФОРМАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ*

Принцип композиционности (который называют иногда принципом Фреге), в самом общем виде, формулируется так: "Смысл языкового выражения является функцией от смыслов его частей и способов их синтаксического соединения" [Partee 1984]. Этот принцип играет большую роль в формальной семантике, но понимается в узком смысле, предполагающем некий изоморфизм между семантикой и синтаксисом¹. Между тем, как отмечено в [Partee 1984], при более широком понимании этот принцип должен найти себе место в любой теории языка (одна из первых лингвистических работ, посвященных проблеме композиционности, – [Weinreich 1966]; непосредственно относятся к делу правила зачеркивания в [Апресян 1974: 81] и правила сочетаемости значений в [Апресян 1995: 40]). В настоящей работе принцип композиционности понимается как установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, граммем, синтаксических конструкций, линейно-акцентной структуры и проч. в составе высказывания. Речь идет, таким образом, не столько о п р и н ц и п е композиционности, который принимается как данное, сколько о самих правилах композиции смыслов. Важный вклад в проблему композиции смыслов – книга [Богуславский 1996].

1. ПРАВИЛА КОМПОЗИЦИИ СМЫСЛОВ

Высказывание сопоставляет фрагменту реального мира некую семантическую структуру; это то, что говорящий видит в данном фрагменте мира. Семантические структуры содержат, среди прочего, информацию о логических свойствах предложения – позволяют устанавливать между предложениями отношения логического и семантического следования, противоречия, эквивалентности; именно возможность получения такой информации служит, наряду с прочим, критерием адекватности толкований слов и предложений.

Говоря о семантике предложения или текста, мы будем ориентироваться на понимание уже сделанного высказывания слушающим, а не на порождение текста говорящим; т.е. речь идет о законах интерпретации, а не о порождении текста. Мы исходим из того, что реально существует только такой смысл, который выражен текстом.

Композиционность как предпосылка о том, что в языковом тексте значение целого строится из значения частей, не может вызвать сомнений. Естественно, в то же время, что смыслы отдельных слов в составе предложения не просто "прикладываются" один к другому. Во-первых, смыслы взаимопроникают один в другой, притом в разных случаях по-разному. Во-вторых, при соединении в единое целое неизбежно происходит

* Работа выполнена при финансовой поддержке Международного фонда INTAS, проект 96-0085.

¹ Обратим внимание на то, что в логической формулировке композиционности нет упоминания ни о морфологии, ни о линейно-акцентной структуре; лингвистически скорректированная формулировка – "значение предложения складывается из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций" – была дана в работе [Падучева 1974: 12], где предложен один подход к описанию вклада семантики синтаксических конструкций в общую семантику предложения и приняты во внимание как морфология, так и актуальное членение. Данная работа посвящена лексическому аспекту композиционности.

преобразование смыслов частей. Можно полагать, однако, что такие преобразования опираются на общие правила – своего рода "семантические сандхи". Их тоже надо описать, чтобы обосновать принцип композиционности.

Правила композиции смыслов мыслятся здесь как преобразование исходного лексико-синтаксического в семантическое представление того же предложения. Каждое правило касается отдельного словосочетания, но существенна установка на возможность в конечном счете прийти к смыслу целого.

Два главных компонента исходного представления смысла предложения (о других носителях смысла будет сказано ниже) – это лексический состав предложения и синтаксическая структура; синтаксис задает на множестве лексем отношение подчинения (оно же – отношение зависимости), по которому, в принципе, можно выявить предикатно-аргументные отношения между оператором и операндом в семантической структуре.

Каждое правило композиции решает две проблемы: 1) оно указывает способ соединения смыслов отдельных слов в единое целое; 2) в явном виде представляет изменение значений слов под влиянием лексического и синтаксического контекста (и, возможно, наоборот, значение синтаксической конструкции, измененное в контексте данного лексического наполнения). Заметим, что концепция "строгой" композиционности в формальной семантике вообще не предусматривает возможности изменения смысла слова под влиянием контекста, см. об этом [Pustejovsky 1995: 59].

Говоря о композиционности, мы должны способы представления смысла отдельных слов и синтаксической структуры предложения принять за данное. Синтаксис мыслится как заданный деревом зависимостей (самого общего вида, см., например [Гладкий 1973]); а смыслы слов должны быть заданы словарем: предполагается, что есть словарь, который слову (а точнее лексеме, т.е. слову в данном его значении) сопоставляет толкование². Толкование слова в предикативном употреблении, например, глагола, состоит из отдельных компонентов предикативной структуры (предикат и его аргументы), с указанием коммуникативного статуса каждого компонента. Различаются статусы: ассерция, пресуппозиция, имплицатив, атрибутивный компонент, фон (о двух последних см. [Падучева 1996: 243]). Смысл слова ни в коей мере не исчерпывается его толкованием – словарное толкование может пополняться за счет смысла входящих в него слов; контекста текста и ситуации; коммуникативных постулатов и чего-то еще.

В основном рассматриваются смыслы таких сочетаний слов, в которых хотя бы один из компонентов – глагол. Просто потому, что описание семантики глагола имеет более давнюю традицию, так что имеющиеся у нас толкования глаголов достаточно надежны.

Глагол в каждом своем употреблении обозначает некую ситуацию. Толкование приписывает участникам ситуации (аргументам предиката) семантические роли, а предикату – категориальные предпосылки относительно каждого из участников; например, у глагола *подарить* в предложении

Отец подарил ему на день рождения рояль

1-й аргумент, в Номинативе, Агенс; 2-й, в Аккузативе, – Пациенс (участник, у которого меняется Поссessor); 3-й, в Дативе, – Адресат. У Агенса и Адресата категория 'лицо', у Пациенса – 'предмет'/'субстанция'.

З а м е ч а н и е . В "узлах" нашей исходной структуры стоят лексемы, т.е. слова, взятые в нужном значении. Было бы естественно, чтобы решение о том, какой своей лексемой слово представлено в данном предложении, принималось при участии правил, подобных правилам композиции. Так, в [Апресян 1974: 179] идет речь об "осциллирующем" значении слова *быстро*: 'с большой скоростью' и 'немедленно', т.е. 'через короткий срок'. Эти два значения *быстро*, действительно, легко переходят одно в другое, поскольку

² Наш подход к семантике лексики изложен в публикациях, посвященных системе "Лексикограф", см. [Кустова, Падучева 1994; Падучева 1998в]. Он существенно ориентирован на принципы Московской школы лексической семантики [Апресян 1974; Мельчук, Жолковский 1984] и семантическую концепцию Анны Вежицкой, см. [Wierzbicka 1980].

связаны друг с другом как причина и следствие: если движение имеет большую скорость, то результат наступит через короткий срок (а если глагол акцентирует начало, то действие *н а ч н е т с я* через короткий срок). Но не все глаголы, предполагающие результат, предполагают также и скорость; слово *быстро* "ищет" в семантике подчиняющего глагола подходящую для себя сферу действия, и от исхода поиска зависит его – контекстно обусловленное – значение. Можно было бы представить этот поиск как правило композиции – правило контекстного изменения значения *быстро*. Однако задачу установления значения слова по контексту мы здесь оставляем в стороне. Дело в том, что даже лексемы меняют смысл в контексте предложения, см. [Падучева 1999], так что проблема композиции остается и для лексем.

Кроме лексики и синтаксиса, есть еще такие важные слагаемые смысла, как не-синтаксическая словоизменительная морфология – вид, время глагола; число существительного и т.д. (ее мы вправе не касаться) и коммуникативная, т.е. линейно-акцентная, структура. Роль линейно-акцентной структуры можно показать на примере (1). В (1а) предметом удивления служит все содержание придаточного, а в (1б), с главным ударением на *свои*, только то, что деньги, которые он отдал, были его собственные:

- (1) а. Меня удивило, что он дал тебе свои деньги;
б. Меня удивило, что он дал тебе СВОИ деньги.

Казалось бы, линейно-акцентная структура является отдельным фактором смысла, который можно тоже для начала оставить в стороне, не касаясь предложений типа (1б) с маркированной просодией. Однако коммуникативная структура часто неотделима от семантики лексики, поскольку слово может иметь "врожденную" просодию и даже предрасположение к порядку слов. Так, в [Апресян 1974: 81] приводится в доказательство неаддитивности сложения смыслов следующий пример (который интересовал еще Есперсена):

- (2) Бутылка не вмещает пяти литров.

По общим правилам предложение (2) должно означать 'вместимость бутылки не равна пяти литрам' = 'бутылка вмещает то ли меньше, то ли больше пяти литров'; между тем, смысл (2) – 'бутылка вмещает меньше пяти литров'.

Однако этот пример допускает иную интерпретацию, см. [Богуславский 1985: 29]. Дело в том, что смысл 'вмещает то ли меньше, то ли больше пяти литров' принадлежит не предложению (2), а предложению (2')

- (2') Бутылка вмещает не пять литров,

для которого исходным утвердительным служит

- (2'') Бутылка вмещает пять литров\.

А для (2) исходным утвердительным служит

- (2''') Бутылка вмещает\ пять литров,

с фразовым ударением на глаголе. Предложение (2''') имеет смысл 'вмещает пять литров или больше', так что нужный смысл (2) – 'меньше пяти литров' – получается композиционно из смысла исходного предложения и отрицания. Отсюда следует, однако, что линейно-акцентную структуру нам неизбежно придется принимать во внимание при формулировке правил композиции лексических смыслов в их синтаксическом контексте; о неотделимости семантической структуры от коммуникативной см. [Богуславский 1996: 121].

Итак, имеется исходная лексико-синтаксическая структура, которая содержит – хотя бы и в неэксплицитном виде – сведения о предикатно-аргументных отношениях на множестве толкований лексем, а также и некоторые сведения о коммуникативной структуре предложения. Можно различить три типа семантических взаимодействий глагола с другими лексемами в такой структуре; иначе – различить в предложении три способа соединения значений и, соответственно, три типа семантических стыков (*junctures*).

I. Смысл глагола соединяется с концептом одного из его актантов (аргументов). Общее правило, предлагаемое на этот счет формальной семантикой, состоит в том, что генерализованный квантор, см. [Bach 1989], с в я з ы в а е т одну из переменных в толковании глагола, т.е. либо фиксирует значение переменной, как в (а); либо квантифицирует ее, как в (b); либо связывает оператором вопроса, как в (с)³:

- (3) а. John walked = JOHN (x) (x WALKED);
- б. Every student knows John = EVERY x: STUDENT (x) (x KNOWS John);
- с. To whom did you give the bird = WHAT x: PERSON (x) (you GAVE the bird TO x).

В результате связывания переменной, участник ситуации, предполагаемый семантикой глагола, получает концепт (в (3) – лексему) и референциальный статус. (Согласно другой терминологии, здесь синтаксический актант заполняет обязательную семантическую валентность предиката).

II. Смысл глагола соединяется с концептом / смыслом сирконстанта (адьюнкта). В простом случае дело обстоит так (см. [McConnell-Ginet 1982; Филипенко 1998]): адьюнкт вводит соответствующего участника в ситуацию и идентифицирует или характеризует его. А именно, адьюнкт выявляет в толковании и актуализует – вытаскивает на свет – тот или иной параметр обозначаемой глаголом ситуации (логически необходимый, но не выявленный в толковании – время, место, скорость, громкость и т.п.), добавляя к толкованию глагола новый компонент, с новой переменной, и связывая эту переменную. Так, в (4) ДВИЖЕТСЯ – это компонент толкования глагола *бежать*, а движение обязательно имеет скорость; *быстро* идентифицирует скорость как большую:

- (4) *бежит быстро* = 'бежит & ДВИЖЕТСЯ СО СКОРОСТЬЮ x & БОЛЬШОЙ (x)'.

О проблемах с сирконстантами будет подробнее сказано ниже.

III. Смысл пропозиционального оператора (т.е. слова, которое имеет в семантической структуре одним из аргументов пропозицию) типа ЗНАТЬ, ДУМАТЬ, НЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, РАД, УДИВИТЕЛЬНО и под., соединяется со смыслом пропозиции, составляющей его сферу действия:

- (5) *Удивительно, что он все помнит* = УДИВИТЕЛЬНО (он все помнит).

Формальное отличие стыка типа III от I и II – в том, что здесь оператор пропозициональный, его аргумент – пропозиция, тогда как в I и II аргументы у предикатов были предметные. Пропозициональное значение имеет свою природу – например, несовместимо с квантификацией.

Синтаксической вершиной подчиненной пропозиции может быть либо глагол, как *помнит* в примере (5), либо другое слово, которое служит ремой предложения, как *свои* в примере (1б). Более того, пропозиция, составляющая сферу действия пропозиционального оператора, может быть лишь компонентом в семантическом разложении глагола. Например, в (6) семантическое представление должно выявить в семантических структурах глаголов *бояться* и *надеяться* ассерцию и пресуппозицию. Дальше действует общее правило о том, что отрицание воздействует на ассерцию, оставляя неизменной пресуппозицию. Так, в (6а) (пример – из [Wierzbicka 1969] и [Зализняк 1983]) отрицание имеет непосредственной сферой действия оценочный компонент, а в (6б) – вероятность, но в обоих случаях отрицается ассерция:

- (6) а. *не боюсь его прихода* = 'считаю ВЕРОЯТНЫМ; НЕ считаю плохим для себя';
- б. *не надеюсь на его приход* = 'считаю хорошим для себя; НЕ считаю ВЕРОЯТНЫМ'.

³ В примерах (3)–(5) слева – фрагмент предложения, справа – фрагмент его семантической структуры.

Теперь мы можем яснее сформулировать нашу задачу. В исходной структуре имеются два (знаменательных) слова, подчиняющее и подчиненное (или слово и предлогная группа; слово и предложение), каждое со своим смыслом. Правило композиции должно перевести их в пару (оператор, аргумент) и ответить на два вопроса.

1) Как происходит объединение смыслов? А именно, в какую часть толкования оператора "включается" смысл аргумента? Этот вопрос тривиально решается для случаев I и III, где у подчиняющего слова (оператора) есть валентность на подчиненное (аргумент), но составляет проблему для II. И далее, как вычленишь из смысла слова или предложения ту пропозицию, которая составляет сферу действия пропозиционального оператора? Это проблема для III.

2) Как изменяются смыслы одних слов в контексте других; например, существительного в контексте подчиняющего глагола; глагола в контексте связанного с ним наречия, и т.д. Контекстные сдвиги значения слов свойственны стыкам I и II.

Можно думать, что указанные три типа семантических стыков исчерпывают синтаксические связи между словами, основанные на лексических предпосылках одного из них, – т.е. ту область, где семантика синтаксиса сводима к предикатно-аргументным связям лексем. За пределами нашего рассмотрения остаются синтаксические конструкции типа *дом отца*, в которых – по крайней мере на первый взгляд – это не так.

З а м е ч а н и е. В [Борщев, Парти 1999] конструкция с применным генитивом анализируется в рамках семантической концепции, ориентированной на интеграцию лексической семантики в духе Московской школы и формальной семантики Монтегю. Рассматриваются две возможности семантического представления совокупного значения сочетания: в одном случае подчиняющее имя изначально имеет реляционное значение, так что в его смысл входит предикат, выражающий семантику генитивного отношения (например, 'быть частью' для *ножка стола*); в другом случае генитив осуществляет смысловой сдвиг в значении подчиняющего имени, в силу которого оно из категориального становится реляционным, так что, например, слово *дом* означает 'дом, в котором живет (х)', и тогда сочетание *дом отца* становится неотличимо от *ножка стола*. В обоих случаях синтаксическая связь между словами интерпретируется как предикатно-аргументная, так что значение синтаксической конструкции предстает как вытекающее из лексических предпосылок.

Правила композиции смыслов – это моделирование тех семантических операций, которые осуществляет человек, понимающий смысл не только отдельных слов, но и целого предложения. Представляется, что именно такая система правил полнее всего моделирует семантическую компетенцию говорящего (в данном случае – в его роли слушающего).

Правила композиции должны давать возможность диагностировать аномалии. Например, они, "заодно", уловят аномальность фразы

(7) Петрович провозился с шинелью всего две недели (Гоголь. "Шинель"), где *провозился* имеет импликацию, что операция длилась слишком долго, а *всего*, напротив, наводит на мысль, что *две недели* – это немного.

Очевидный вызов (challenge) принципу композиционности составляет дейксис: у чисто референтного выражения, после того, как установлен его референт, сам смысл (способ отсылки к референту) становится безразличен для смысла целого – в других выражениях об этом писал еще Бертран Рассел. Иными словами, сложение смыслов некомпозиционно, см. пример (8а) из [Stalnaker 1972]:

(8) а. А ведь меня могло бы *здесь* не быть;

б. Я *нахожусь здесь*;

в. Я *нахожусь там, где я нахожусь*;

г. *Могло бы быть неверно, что я *нахожусь там, где я нахожусь*;

д. Для того места, где я *нахожусь*, могло бы быть неверно, что я *там* *нахожусь*.

Слово *здесь* по словарю означает 'там, где я сейчас нахожусь'. Если, однако, во фразе (8б) заменить слово *здесь* на это его толкование, мы получим фразу (8в), которая является аналитической истиной, и постановка ее в контекст контрфактической модальности дает фразу (8г) с противоречивым и аномальным смыслом. Между тем (8а) ничуть не аномально: *здесь* в (8а) просто обозначает место, а способ референции к

нему остается за пределами сферы действия оператора модальности: (8а) = (8д). Тем самым сложение смыслов в (8а) некомпозиционно: в синтаксической структуре дескрипция находится внутри сферы действия модальности, а в семантической – наоборот. Но дейксис – это особая область, которую мы вправе оставить в стороне.

2. АКТАНТЫ И СИРКОНСТАНТЫ; ПАРАМЕТРЫ И АТРИБУТЫ; ИНКОРПОРИРОВАННЫЕ УЧАСТНИКИ

Противопоставление стыков I и II апеллирует к отличию актанта от сирконстанта, граница между которыми не всегда проводится однозначно. Поскольку правила композиции предусмотрены для обоих типов участников, эта неоднозначность им не помеха. Скорее наоборот, задача композиции смыслов проливает свет на проблему актантов и сирконстантов, от решения которой зависит словарное описание глагола. Имеется несколько различительных критериев; ни один не дает однозначного ответа, но все так или иначе полезны.

1. Семантическая обязательность. В первом приближении актанты – это обязательные участники обозначаемой глаголом ситуации, а сирконстанты – факультативные. В [Богуславский 1996: 101] обязательные участники практически отождествлены с актантами (т.е. дополнениями, аргументами), а необязательные – с сирконстантами (обстоятельствами, адъюнктами) – как если бы актанты всегда были семантически обязательны, а сирконстанты факультативны. На самом деле, однако, наряду с действительно факультативными сирконстантами, такими как цель или причина, есть участники, выражаемые обстоятельствами, которые являются обязательными параметрами ситуации: из действия нельзя изъять время (если не было момента/отрезка времени, когда произошло событие, значит не было события); из движения, например, бега, – скорость; из звука – громкость. Лучше сказать, что актант – это участник, обязательно присутствующий в кадре ситуации, а сирконстант вводит участника в кадр только своим присутствием в предложении.

З а м е ч а н и е. В [Апресян 1995: 52] обязательность не фигурирует как признак актанта: утверждается, что при толковании необходимо указать в с е х участников ситуации; их положения, состояния, свойства, взаимоотношения, действия и способ их осуществления. Однако в этом случае толкование, приводимое на стр. 52 для слова *прибить*, оказывается неполным, поскольку не принимает во внимание участников, выраженных в (1) как *мне*, *в прихожей* и *за пять рублей*:

(1) Он прибил мне вешалку в прихожей за пять рублей.

2. Структурный принцип. Актанты играют смыслоразличительную роль: один глагол отличается от другого набором актантов. Например, участие денег отличает ситуацию купли-продажи от изъятия; обязательным участием инструмента глагол *высечь* отличается от *побить*: чтобы высечь, нужен инструмент, а побить можно и руками, так что для *побить* инструмент, видимо сирконстант. Еще пример: у *резать* инструмент – обязательный участник, актант, поскольку толкование должно указать, что он имеет острый край, см. толкование *резать* в словаре [Мельчук, Жолковский 1984]. Однако этот принцип не всегда выдерживается; скажем, необязательный инструмент у *приклеить* обычно трактуется как актант.

3. Коммуникативный ранг. Поскольку сирконстанты, как мы видели в п. 1, могут быть обязательными участниками, характеристическое свойство сирконстанта не факультативность, а положение на периферии поля зрения говорящего: сирконстант – это всегда периферийный участник [Падучева 1998б]⁴. Актанту же, напротив, естественно быть участником переднего плана. Коммуникативный ранг выражается, на синтаксическом уровне, синтаксической позицией актанта: субъект и объект (т.е. участники, выраженные, при исходной диатезе⁵, соответственно, подле-

⁴ Ср. [Филипенко 1998: 136] о том, что разница между актантами и сирконстантами касается их коммуникативного веса.

⁵ О диатезе см. [Мельчук, Холодович 1970].

жащим и дополнением) – это Центр; они обязательно актанты. А остальные падежи и предложные группы – Периферия.

Однако есть синтаксически (и коммуникативно) периферийные участники, которые тем не менее актанты, ср. *целиться* – в кого-то; *поселиться* – где-то; *подарить* – кому-то; *выбрать* – из какого-то множества. Если семантический актант не выражен в предложении синтаксическим подчиненным глагола, он должен быть выражен как-то иначе; в противном случае смысл фразы может быть неясен. Что значит, например, *Он выбрал Венгрию* – Из чего он выбирал? На какой предмет? Заметим, что семантическая обязательность участника не имеет жесткой связи с обязательностью соответствующей синтаксической позиции, как у *поселиться* и *выбрать*.

4. Актант как переменный участник ситуации. В [Апресян 1974: 42] идет речь о том, что актантам глагола в толковании соответствует переменная: в разных употреблениях слова в предложении ей соответствуют синтаксические актанты с разным концептом и денотативным статусом. Однако участники, упоминаемые в толковании, могут быть не переменными, а как бы константами – это инкорпорированные участники [Jackendoff 1993: 61]. Например, у глагола *видеть* инкорпорированный участник – глаза; у *ходить* – ноги, у *говорить* – голос, у глагола *гореть* – огонь, у *видеть* – свет: им не соответствует актанта в поверхностной структуре (по крайней мере при употреблении в исходной диатезе – в производных диатезах инкорпорированные участники могут выходить на поверхность, ср. *Неужели Х. жив (...) потому что он может прийти на это собрание, а Марсель Пруст потому, что он нигде уже ногами не придет, – мертв*. Цветаева). У глагола *мчаться*, в отличие от *бежать*, скорость упоминается в толковании; но эта переменная связана в самом толковании (поскольку нужно указать, что она большая), и поэтому является инкорпорированным участником; отсюда у *мчаться* более ограниченная сочетаемость с атрибутами скорости по сравнению с *бежать*.

Инкорпорированный участник – это участник, который, как и актант, обязательно присутствует в ситуации, но не представлен в толковании переменной, поскольку его концепт фиксирован в толковании с точностью до лексемы, а в референциальном отношении он либо константа (т.е. имеет конкретно-референтный или родовой статус), либо зависит от другого участника той же ситуации – например, является его частью, как у глагола *видеть*, *целовать* (так, глаза – часть того, кто видит)⁶. Инкорпорированный участник равен актанту по степени обязательности, но подобен сирконстанту в том смысле, что, не будучи выявлен, находится за пределами зоны внимания говорящих.

5. Влияние на смысл. Согласно [Апресян 1974: 125], актанты могут быть семантически факультативными. Естественно считать, что факультативный актант можно убрать, как в (2), или добавить, как в (3). Так, *сказать* <что-то> можно просто с целью выразить свою мысль, а можно – в ответ на что-то, сказанное ранее; *побить* можно за что-то или просто так:

(2) а. Что он сказал?;

б. Что он на это сказал? [участник на это факультативный].

(3) а. Его побили хулиганы;

б. Его побили за предательство [участник за предательство факультативный].

Однако факультативный актант всегда изменяет значение слова; а тогда у каждой лексемы (т.е. у каждого значения) слова все актанты – обязательные участники ситуации (это следствие структурного принципа). Так, в (26) предложная группа *на* + Асс переводит глагол *сказать* в тематический класс глаголов реакции – к которому отно-

⁶ Инкорпорированный участник не является константой в полном смысле слова, поскольку, скажем, в контексте *Мы все его видим* участвует не одна пара глаз; но у каждого из видящих глаза свои, что создает "дистрибутивную единственность", см. [Падучева 1985: 157; Шмелев 1996: 85].

сятся также глаголы *ответить, возразить, отказаться; нахмуриться, побледнеть* и др. В (36) смысл глагола *побить*, который нормально не включает идеи 'за что-то', расширяется за счет компонента "нанесение ущерба в целях восстановления справедливости", и глагол переходит в тематический класс глаголов возмездительного действия – тоже подкласс глаголов реакции (в системе "Лексикограф" явления такого рода трактуются как семантическая деривация, состоящая в мене тематического класса [Падучева 1998в: 14]). В (4) предложная группа с предлогом *перед* придает глаголу *краснеть* значение 'стыдиться':

4) Мне еще придется *перед ним краснеть*.

Пример (5) показывает, как наличие/отсутствие актанта Адресат изменяет значение глагола *сказать*:

(5) Неужели он *сказал* это вслух? Ты *сказал* так тихо, что никто не слышал.

Согласно [Wierzbicka 1996], глагол *сказать* не предполагает Адресата в качестве обязательного участника. И действительно, *сказать* допустимо в контекстах типа (5), где Адресат отсутствует. Однако *сказать* в (5) ≈ 'произнести'; и только участие в ситуации Адресата превращает 'произнести' в обычное для *сказать* значение 'сообщить'.

Напротив, добавление во фразу сирконстанта, казалось бы, оставляет значение глагола неизменным: ср.:

(6) а. Он переходил улицу;

б. Он *медленно* переходил улицу.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что сирконстанты могут быть двух родов – параметры и атрибуты. Присоединение к глаголу сирконстанта-параметра не меняет его смысла, поскольку наличие в ситуации этого участника вытекает из толкования слова как логическое следствие. Так, у *приехать*, участник "Куда?" – актант (ср. *Я приехал, чтобы сообщить вам новость* = 'приехал с ю д а '); а участник "Откуда?" логически предсказуем (*начал быть здесь* ⊃ 'раньше был в другом месте'), так что из *Алабамы* в контексте *Я приехал из Алабамы* – это сирконстант-параметр.

Адвербиальные атрибуты не вводят в ситуацию дополнительного параметра, а задают характеристику того участника или компонента, который уже присутствует в ситуации в силу толкования глагола. Например, *читал наизусть* = 'читал, держа в памяти текст слово за словом'; *взял осторожно* = 'взял, заботясь о том, чтобы не причинить ущерба'.

Пример сирконстанта-атрибута – фоновый каузатор [Кустова, Падучева 1994]. Каузатор в (7) не является параметром ситуации, который обязательно должен принять какое-то значение, – Каузатора может и не быть:

(7) Он покраснел – *от волнения*; Дом разрушился – *от наводнения*.

Если наличие сирконстанта-параметра *предсказывается* семантикой глагола, то для уместности атрибута достаточно всего лишь совместимости смысла атрибута и глагола. Более того, адвербиальный атрибут может изменить толкование глагола – таким образом, чтобы создать в обозначаемой ситуации подходящую для себя сферу действия. Так, *еще больше* в (8) превращает глагол изменения состояния *побледнеть* в градуальный, которым он не являлся сам по себе; *постепенно* в (9) делит ситуацию на упорядоченную во времени последовательность этапов накопления какого-то признака – каковой она сама по себе не была⁷:

⁷ Так что сирконстанты можно трактовать в духе грамматики конструкций [Goldberg 1995]: статус сирконстанта позволяет "объяснить" появление у глагола нового участника, не вводя новой лексики в словарь. Так, МАС, толкуя *лает* как 'издавать звук', не объясняет приводимый в той же словарной статье пример *Москья (...)* *лает на слона*; а между тем значение выражения отрицательного отношения может придавать глаголу конструкция *с на*, ср. *кричать на, дуться на*.

- (8) а. Он побледнел;
б. Он побледнел *еще больше*.
- (9) а. Он решил эту задачу;
б. Он *постепенно* решил эту задачу.

Но тогда и по критерию "влияние на смысл" границы между актантом и сирконстантом провести нельзя.

Разница между актантом и сирконстантом лучше всего видна в их отсутствие. Если в предложении нет сирконстанта того или иного типа, то присутствие этого участника в ситуации и не подразумевается: этот аспект ситуации просто остается за пределами зоны внимания говорящих. Так, *бежал* не значит 'бежал с какой-то скоростью'; скажем, в ситуации лермонтовского "Мцыри" в отрывке *много я часов бежал* у читателя не возникает вопроса о скорости бега. Между тем актант всегда так или иначе присутствует в ситуации, даже если не имеет поверхностного выражения. Ср.:

- (10) а. "Синтаксические структуры" *были написаны* в 1957 году;
б. Дом *разрушился*.

В пассивной конструкции, в (10а), Агенс – это актант. Он может быть выражен агентивным дополнением (т.е. помечен как периферийный участник ситуации – в том и состоит смысл пассивизации, чтобы загнать Агенса на периферию!). Но может быть и не выражен в поверхностной структуре: поскольку это участник обязательный, его присутствие в ситуации в любом случае подразумевается (если Агенс не выражен, он уподобляется инкорпорированному участнику; его таксономическая характеристика предсказывается грамматической семантикой пассивной конструкции – это лицо; а референциальный статус – константа). Между тем семантика декаузативной конструкции, в (10б), не предполагает Каузатора как обязательного участника: при декаузативации Каузатор (всегда нецелеполагающий) переводится в ранг сирконстанта, и если сирконстанта-Каузатора в предложении нет, событие концептуализуется как произошедшее само собой.

3. ПРИМЕРЫ ПРАВИЛ КОМПОЗИЦИИ СМЫСЛОВ

І. Связывание переменных – самый простой вариант правила композиции смыслов: на место переменной в толковании глагола подставляется ее значение. В результате, например, из *Х любит Y* получается *Джон любит Мери*, и концепты актантов *Х* и *Y* занимают соответствующее место в толковании глагола *любить*. Более сложных случаев с квантификацией мы здесь не рассматриваем.

Приписывание переменным их значений требует согласования таксономической характеристики актанта с категориальной предпосылкой предиката, т.е. с его требованиями к участнику – исполнителю данной роли. Если категориальная предпосылка предиката и таксономическая категория актанта не совпадают, подстановка в некоторых случаях все равно может быть осмыслена, но с помощью более сложных – нестандартных – правил композиции. В [Апресян 1974] предусмотрено два типа нестандартных соединений смысла: добавление (приращение) и зачеркивание семантического компонента в толковании одной из двух соединяемых лексем.

а) Добавление семантического компонента в семантику актанта.

В примере (1) *река* понимается как 'наличие реки' – добавляется экзистенциальный элемент, поскольку у *способствовать* субъект-каузатор должен быть пропозициональный:

- (1) Развитию торговли в Новгороде способствовала *река*.

В (2) предлог *до* во временном значении требует актанта события; поэтому *до печати* понимается 'до того, как на двери была п р и в е ш е н а (сургучная) печать; приращивается акциональный компонент:

- (2) *До печати*, нет сомнения, разговор этот мог считаться совершеннейшим пустяком, но вот *после печати...* ("Мастер и Маргарита").

Сочетание (3) может быть осмыслено, если *жена* понимается как метонимическое обозначение отрезка прожитого с ней времени:

(3) две жены тому назад.

В контексте глагола *наступать*, у которого подлежащее должно обозначать время или событие, *переулок* обозначает, скорее всего, происходившие в нем события (тоже метонимия):

(4) А тому *переулку* наступает конец (Ахматова).

б) Зачеркивание семантического компонента в семантике глагола.

В (5б) зачеркивается компонент 'Субъект действовал с определенной целью' (который входит в семантику глагола *ехать* в (5а)):

(5) а. Иван *ехал* на телеге в город;

б. Мимо *ехали* дрова (пример из [Рахилина 1990]).

В (6б) в семантике глагола *подозревать* подавляется категориальная предпосылка 'У плохое', которая входит в смысл *подозревать* в более обычном контексте (6а):

(6) а. Иван *подозревает*, что его обманывают;

б. *Подозреваю*, что здесь будет праздник (пример из [Зализняк 1987]).

Одно достаточно общее правило зачеркивания касается ментальных глаголов в контексте субъекта 1-го лица. У многих ментальных глаголов (например, *знать*, *подозревать*, *догадываться*, *думать* <что Р>) есть семантический компонент 'Говорящий знает, что Р'. Так,

(7) Иван *подозревает*, что его обманывают

включает компоненты: 1) Иван склоняется к мнению, что его обманывают; 2) Говорящий знает, что Ивана обманывают. Но в контексте субъекта 1-го лица компонент 2) пропадает (и главное фразовое ударение на *подозревать* становится неуместным [Падучева 1998а]):

(8) Я *подозреваю*, что его обманывают.

Что же одерживает верх в случае несоответствия между категориальной предпосылкой оператора и собственной семантикой актанта? В предложении (9) предлог *благодаря* дает приращение оценочного компонента к семантике своего актанта; несостоявшаяся прогулка, вопреки обыденным представлениям, рассматривается говорящим как положительным факт:

(9) Прогулка не состоялась *благодаря* плохой погоде.

По-видимому, именно такое направление воздействия – от предиката к аргументу – является нормой: приращение смысла – это нормальное явление, а зачеркиваются (в рамках буквального, неметафорического осмысления) только неустойчивые компоненты смысла, такие как отрицательная оценка у *подозревать*.

II. Если для стыков типа I стандартные правила соединения смыслов очевидны, то для стыков типа II общепринятой формулировки правил композиции нет.

Относительно характера семантических связей между глаголом и адвербиальным атрибутом (обстоятельством, сирконстантом) существует две концепции. В [Богуславский 1996: 101–111] глагол в целом трактуется как аргумент адвербиала:

бежит быстро = 'бежит & скорость <этого> бега большая'.

Более глубокое проникновение в семантику этого сочетания дает подход, изложенный в [McConnel–Ginet 1982: 167]; ср. также [Филипенко 1998]): адвербиал добавляет переменную в толкование (т.е. участника в ситуацию) и характеризует или идентифицирует – связывает её, см. пример (4) в разделе 1. В принципе, оба представления

законны, но выявление переменной – например, по скорости – дает более глубокое проникновение в семантику сочетания, поскольку позволяет понять, как наличие данного параметра вытекает из семантики глагола.

Как уже говорилось, актанты (аргументы) отличаются от адъюнктов (сирконстантов) тем, что в случае актанта толкование глагола в словаре предусматривает соответствующую переменную, и семантическое соединение глагола с соответствующей группой – это связывание переменных. В случае адъюнкта-параметра переменной в толковании нет; адъюнкт одновременно добавляет переменную в семантическое представление предложения (т.е. участника в ситуацию) и связывает ее. Присоединение к глаголу адъюнкта имеет коммуникативным следствием выявление участника, который входит в смысл слова как следствие из толкования, хотя и не входит в само толкование. Так, в примере (4) из раздела 1 *бежит* $\supset$ ДВИЖЕТСЯ, а всякое движение имеет скорость.

Такой же коммуникативный сдвиг сопровождается выход на поверхность инкорпорированного участника – его "экскорпорирование". Инкорпорированному участнику не соответствует переменной в толковании, поскольку его концепт фиксирован с точностью до лексемы, а референция предопределена субъектом. При наличии атрибута или кванторного слова участник покидает свою позицию За кадром и входит в Перспективу:

- (1) *видел своими глазами; видел одним глазом;*
- (2) *Я своими полуслепыми глазами и то вижу, что рубашка неглаженная* (ср. **я вижу глазами*);
- (3) *Поднял мой рюкзак одной рукой* (ср. **поднял рукой; *поднял руками*).

Отметим, что для трансформации экскорпорирования есть обратная: то, что называется трансформацией Unspecified object deletion (Эллипсис неохарактеризованного объекта), см., например, [Levin 1993: 27], есть не что иное, как инкорпорирование участника. Обязательный участник не может иметь в предложении соответствующего ему синтаксического актанта, если он оказывается в тех же условиях, что *глаза в видеть*; а именно, если его концепт ничего не добавляет к категориальной предпосылке предиката:

- (4) *Он женат на женщине $\Rightarrow$ Он женат;
*Он поел еды $\Rightarrow$ Он поел.

Кроме сирконстантов-параметров, есть, как уже говорилось, сирконстанты-атрибуты. Наречие *босиком* не добавляет переменной в толкование, а служит атрибутом к инкорпорированному актанту *ноги* в толковании *ходить*; наречие *тонко* в *Порежь колбасу тонко* – атрибутом к инкорпорированному актанту "Части" глагола *порезать*.

Перейдем теперь к нестандартным правилам композиции при стыке типа II. Ниже следует несколько примеров, когда соединение глагола с адъюнктом меняет толкование глагола, а именно, зачеркивает один из семантических компонентов в его семантике.

В примере (5), из [Зализняк 1987], показатель Кратности отменяет значение единичности, которое по умолчанию имеет совершенный вид в контексте реально прошедшего события:

- (5) а. Он *поцеловал* ее на прощанье = 'один раз';
б. Он *поцеловал* ее *трижды*.

При эксплицитно выраженном значении параметра Кратность зачеркивается значение, которое этот параметр получил бы по умолчанию. Если при глаголах *бежал, шел* нет адъюнкта, выражающего скорость, то у слушающего не возникает никаких предположений о значении этого параметра; между тем глагол в (5) понимается таким образом, что без адъюнкта, выражающего кратность, у него по умолчанию (by default) возникает значение единичности.

Дефолтное значение параметра Кратность – это неустойчивый компонент в семантике сов. вида (в противоречащем контексте неустойчивый компонент подавляется – в отличие от полноценного компонента, который в этом случае порождает аномалию [Зализняк 1987]).

Другой пример. Слова *бессознательно, импульсивно, случайно, нечаянно* зачеркивают компонент ‘потому что хочет’, который, согласно [Wierzbicka 1980: 181], входит в семантическое разложение глагола действия:

(6) *бессознательно* повернул рукоятку.

А *нарочно, намеренно, сознательно* (помимо всего прочего) меняют таксономическую категорию глагола, переводя происшествие в целенаправленное действие:

(7) Я *нарочно* забыл свою шпагу и воротился за ней (Пушкин)

В (8) *неправильно* зачеркивает имплицитное ‘правильно’, входящее в семантику *решишь*:

(8) Ты *неправильно* решил задачу.

В (9) *на время* вводит в семантику глагола *отдать* переменную “Срок”, зачеркивая имплицитное ‘насовсем’:

(9) Он отдал мне свой велосипед *на время*.

Различие между актантом как участником, обязательно входящим в ситуацию, и сирконстантом, который вводит участника только личным присутствием в предложении, мы продемонстрируем на примере обстоятельств Степени – *слегка, совсем, наполовину* и под.

Казалось бы, можно допустить, что обстоятельство Степени зачеркивает имплицитно приписанное значение переменной Степень (полная, т.е. максимальная), которое предполагается семантикой всех измеряемых свойств и состояний – адвербиал отменяет то значение, которое эта переменная получает по умолчанию:

(10) *наполнил* = ‘наполнил до краев’; ср. *наполнил на две трети*;
дописал = ‘дописал до конца’; ср. *дописал до половины*;
затупился = ‘стал [совсем] тупым’; ср. *слегка затупился*;
успокоился = ‘стал [совсем] спокойным’; ср. *чуть-чуть успокоился*.

Однако при этом возникает трудность со словом *совсем* (в частности, в контексте глаголов, образованных от градуируемых прилагательных, типа *оглох, затупился*). В [Апресян 1974: 82] предлагается следующее толкование для *совсем* (например, в контексте *Отец оглох*):

(11) *Отец совсем оглох* = ‘стал глухой, и Говорящий считает, что не может быть более глухим’.

Это толкование требует, чтобы *оглох/глухой* понималось как ‘оглох/глухой в некоторой степени’. В самом деле, если понимать *оглох/глухой* иначе (т.е. как ‘оглох/глухой в максимальной степени’, что гораздо больше соответствует интуиции), то толкование, предлагаемое для (11), оказывается тавтологичным (вторая часть дублирует первую), а смысл предложения (12) – противоречивым:

(12) *Отец не совсем оглох* = ‘стал глухой, и Говорящий считает, что может быть более глухим’.

Рассмотрим другую возможность: *оглох* = ‘оглох в максимальной степени’. В отличие от других показателей Степени, *совсем* не отменяет дефолтного значения, а тавтологически повторяет его – эксплицирует. Так что должно быть:

(13) а. Отец оглох = б. Отец *совсем* оглох = ‘Отец оглох в максимальной степени’.

Между тем (13а) и (13б) существенно различны в своем поведении под отрицанием:

(14) а. НЕ (Отец оглох) = *Отец не оглох* = 'слышит нормально' (ср. *Ну что ты кричишь? Я не оглох*);

б. НЕ (Отец совсем оглох) = *Отец не совсем оглох* = 'слышит, но недостаточно хорошо'.

Остается, однако, третья возможность: исключить Степень из толкования глагола, т.е. признать показатель Степени адьюнктом – а не аргументом, как предполагалось вначале. В соответствии с общим определением, адьюнкт одновременно вводит в ситуацию участника Степень и приписывает ему значение. Тогда *оглох* в (13а) понимается как абсолютное свойство, не имеющее степеней (т.е. Степень не является участником ситуации "оглох", так же как скорость – в ситуации "бежит"), а в (13б) – как градуируемое. Степень, будучи параметром, не вносит изменений в значение слова: градуируемость глухоты является ее ингерентным свойством, но вне контекста показателя Степени никак себя не проявляет.

III. Наконец, обратимся к пропозициональным операторам типа НЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЗНАЮ, РАД. Они имеют максимально широкую сочетаемость, так что здесь композиция смыслов не осложнена необходимостью семантического согласования, как в случаях I, II. Но зато возникает проблема сферы действия. Мы рассмотрим только один пропозициональный оператор – отрицание (*не*).

Существенным продвижением в проблеме взаимодействия семантики глагола с отрицанием было понятие пресуппозиции и противопоставление пресуппозиция – ассерция, которое позволило сформулировать одно из наиболее общих правил композиции смыслов: отрицание воздействует на ассертивный компонент в семантическом разложении глагола, а пресуппозиция не отрицается, см. пример (6) из раздела 1.

Понятие пресуппозиции хорошо работает, например, на толкованиях фазовых глаголов. Так, *Х перестал Р* означает (приблизительно):

- (1) '1) до некоторого момента Х делал Р (пресуппозиция);
- 2) после этого момента Х не делает Р' (ассерция).

Таким образом,

- (2) *Иван перестал ходить на лыжах* =
- '1) до некоторого момента Иван ходил на лыжах (пресуппозиция);
- 2) после этого момента Иван не ходит на лыжах (ассерция)'.

В отрицательном предложении ассерция отрицается, а пресуппозиция остается неизменной:

- (3) *Иван не перестал ходить на лыжах* =
- '1) до некоторого момента Иван ходил на лыжах (пресуппозиция);
- 2) и после этого момента Иван ходит на лыжах' (ассерция)⁸.

Однако противопоставление пресуппозиция–ассерция не решает всех проблем взаимодействия семантики глагола с отрицанием. В [Богуславский 1985: 35] рассматривается следующий пример. В толковании глагола *касаться* два компонента:

Х касается Y-a = '1) Х находится в контакте с Y; 2) контакт слабый'.

Отсюда получаем, например:

- (4) *Елка касается потолка* = '1) елка находится в контакте с потолком; 2) контакт слабый'.

⁸ В толковании не отражено ожидание обратного, которое чувствуется в (3); но такое ожидание есть почти во всяком отрицательном предложении [Russell 1940: 77]. Ср. об этом также [Падучева 1974: 151; Зализняк, Падучева 1987].

В (4'), которое является отрицанием (4), сферой действия отрицания оказывается компонент 1), а компонент 2) просто пропадает:

(4') *Елка не касается потолка* = 'Елка не находится в контакте с потолком'.

Это значит, что компонент 2) не является в семантике предложения (4) презумпцией (поскольку он, как мы видим, не сохраняется при отрицании) – это дало бы для (1') абсурдный смысл '1) X не находится в контакте с Y; 2) контакт слабый'. Но он не является и ассерцией: если бы это было так, то, поскольку компонент 1) очевидно ассертивный, в (4) возникла бы конъюнкция ассерций, отрицание которой должно дать смысл 'то ли 1) X не находится в контакте с Y, то ли 2) контакт не слабый' – хоть и не абсурдный, но заведомо не совпадающий со смыслом предложений (4'), которое мы согласились считать отрицанием (4).

Другой пример из [Богуславский 1985]. Смысл глагола *прилететь* можно представить (огрубленно) как состоящий из двух компонентов:

X *прилетел* в Y = '1) X прибыл в Y; 2) передвигался по воздуху (т.е. в самолете)'.

Однако предложение (5') (произнесенное с нормальной интонацией), которое служит отрицанием (5), означает, скорее 'не прибыл', чем 'то ли не прибыл, то ли прибыл не на самолете', как должно было бы быть при отрицании двух – очевидно, конъюнктивно связанных – компонентов в толковании *прилететь*:

(5) Иванов *прилетел* (в Москву).

(5') Иванов *не прилетел* (в Москву).

В чем же здесь дело?

Компонент 2) в толковании глаголов *касаться* и *прилететь* претендует на самостоятельный коммуникативный статус, ср. об этом [Богуславский 1985; Падучева 1996; Зельдович 1998]. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В толкованиях глаголов *касаться* и *прилетать* компоненты 1) и 2) связаны таким образом, что компонент 2) указывает с в о й с т в о ситуации, описываемой компонентом 1), так что компоненты 1) и 2) связаны атрибутивной связью. Можно думать, что именно эта атрибутивная связь объясняет особое поведение этих глаголов в контексте отрицания.

Начнем с отрицания в таких предложениях, где атрибутивной связью связаны отдельные слова (так что атрибутивное отношение связывает толкования целых слов), а потом перейдем к примерам типа (4), (5), где атрибутивным отношением связаны компоненты толкования одного лишь предикатного слова.

В [Падучева 1969] был рассмотрен следующий пример:

(6) а. Они *смеялись громко*;

б. Они *громко* смеялись.

В обоих случаях между словами *громко* и *смеялись*, равно как и между соответствующими компонентами семантической структуры, имеется атрибутивная связь. В предложении (а) *громко* – рема, и только реме соответствует в семантической структуре ассерция: *смеялись* – в пресуппозиции. Отрицание такой структуры не представляет затруднений: ассерция отрицается, пресуппозиция остается без изменений. Иное дело (б), где главная рема – *смеялись*, но и *громко* рематично – образует побочную рему. Семантическая структура (б) содержит поэтому два ассертивных компонента, т.е. конъюнкцию ассерций, а отрицание конъюнкции дает неопределенный смысл – перечень отрицательных возможностей:

(7) НЕ (Они *громко* смеялись) = 'то ли не смеялись, то ли смеялись, но не *громко*'.

Из двух коммуникативных позиций, которые может занимать приглагольный атрибут, такой как *громко*, позиция (б), препозитивная по отношению к глаголу, является

исходной. Коммуникативную позицию *громко* в (б) можно назвать позицией а т р и - б у т а р е м ы (т.е. атрибута в обычной для него коммуникативной позиции – атрибутивной).

З а м е ч а н и е. Структура (а) с постпозитивным атрибутом, который оказывается е д и н с т - в е н н о й ремой, получается за счет того, что в предложении возникает вторичная предикация: атрибутивный компонент попадает в несобственную для него коммуникативную позицию единственной ремы и выступает как предикат; в семантической структуре он дает единственную ассерцию.

То, что атрибут ремы входит в ассерцию, доказывается его взаимодействием с оператором начинательности. Пример (ср. о начинательности в [Богуславский 1998]):

(8) а. После этого они начали смеяться *громко*;

б. После этого они начали *громко* смеяться.

(8а) означает, что до "этого" они смеялись, но не громко: сферой действия начинательности является единственная ассерция – *громко*; а (8б) означает, что "после этого" начался их смех, и он с самого начала был громкий, т.е. начинательность в (8б) воздействует на оба компонента – и на смех и на громкость.

Коммуникативное различие между (ба) и (бб) выражается порядком слов. Если у наречия место в предложении фиксировано, это различие не выражается формально, но на содержательном уровне существует все равно; так, (9) неоднозначно – то ли до этого момента не говорил, то ли говорил не по-французски:

(9) после этого он начал говорить по-французски (пример из [Богуславский 1998]).

Итак, наречие в коммуникативной позиции атрибута ремы дает в семантической структуре вторую ассерцию; возникает конъюнкция ассерций (одна от глагола, вторая – от наречия). Согласно известному логическому правилу, отрицание конъюнкции P и R имеет смысл

$$(I) \neg (P \ \& \ R) = \neg P \vee \neg R \vee (\neg P \ \& \ \neg R).$$

Смысл, соответствующий формуле (I), не может быть выражен иначе как перечислением возможностей, т.е. набором из трех дизъюнкций. В нашем случае число дизъюнкций уменьшается – за счет того, что второй конъюнктивный член, R , имеет вид $Q(P)$, где Q – атрибут, характеристика, параметр P (например, в (II) *смеялись* – P ; *громко* – Q). Подстановка $Q(P)$ на место R дает

$$(II) \neg (P \ \& \ Q(P)) = \neg P \vee \neg Q(P) \vee (\neg P \ \& \ \neg Q(P)),$$

а третий член дизъюнкции в нашем случае исключен: если P отрицается, то $Q(P)$ лишается смысла, потому что Q модифицирует (уточняет характеристики) P – в предположении, что P имеет место. Это сокращает неопределенность – если третий дизъюнктивный член выпадает, остается:

$$(II') \neg (P \ \& \ Q(P)) = \neg P \vee \neg Q(P).$$

Для ясности перепишем (II') как (II''):

$$(II'') \neg (P \ \& \ Q(P)) = \neg P \vee (P \ \& \ \neg Q(P)).$$

Вернемся теперь к (бб). Согласно формуле (II''),

(10) НЕ (Они громко смеялись) = 'то ли не смеялись, то ли смеялись, но не громко'.

Выразить этот неопределенный отрицательный смысл можно либо через импликацию, как в (11), либо с помощью сложной линейно-интонационной конструкции, как в (12):

(11) Если они и *смеялись*, то не *громко*;

(12) *Громко/* они не *смеялись* \.

Имеются, однако, контексты, которые снимают неопределенность отрицательного смысла (Π''), так что отрицание глагола с адverbiallyм-атрибутом становится можно выразить отрицательной частицей при глаголе. Мы рассмотрим два таких контекста.

1. Отрицание конъюнкции $P \ \& \ Q(P)$ имеет легко выражимый смысл в том случае, если второй дизъюнктивный член формулы (Π''), т.е. $P \ \& \ \neg Q(P)$, исключен контекстом, поскольку о ж и д а л о с ь, что если P будет иметь место, то именно с атрибутом Q (иными словами, ожидалось, что $P \rightarrow Q(P)$). Тогда смысл отрицательного предложения сводится к $\neg P$, а место $P \ \& \ \neg Q(P)$ занимает импликация $P \rightarrow Q(P)$ в модусе <несбывшегося> ожидания, см. об этом [Богуславский 1985: 31 и 160]. В семантическом представлении отрицательного предложения эта импликация играет роль своего рода комментария к отрицаемому компоненту $\neg P$. Так, фраза (13) нормальна в ситуации, когда заранее предполагался приезд Петрова в Москву именно для участия в конкурсе, пример из [Падучева 1996: 244]:

- (13) *Петров не приехал в Москву для участия в конкурсе* = '1) Петров не приехал в Москву; 2) предполагалось, что если Петров приедет в Москву, то для участия в конкурсе'.

В "исходном" для (13) утвердительном предложении (13') *Петров приехал в Москву для участия в конкурсе* две ассерции (в самом деле, и то и другое может быть неверным): 1) Петров приехал в Москву; 2) цель приезда Петрова в Москву – участие в конкурсе. Компонент 2) – атрибут к компоненту 1).

Модальность ожидания позволяет построить для предложения с формулой (Π'') удовлетворительное отрицание: атрибутивный компонент выпадает из сферы действия отрицания и входит в сферу действия оператора ожидания с положительным знаком. Можно сказать иначе: модальность ожидания наличия у события определенного атрибута "склеивает" отдельные семантические единицы (каждая со своей возможной истинностью – ложностью) в одну, которая уже легко поддается отрицанию. В (13) удовлетворительное отрицание получается за счет того, что все сочетание *приехал в Москву для участия в конкурсе* склеивается в единый предикат.

2. Другой контекст, когда предложение с адverbiallyм в позиции атрибута ремы имеет хорошее отрицание, представлен примером (14) (примеры этого рода – с несколько иной интерпретацией – рассматриваются в [Зельдович 1998]).

- (14) НЕ (Он *кое-как* справился с заданием) = Он не справился заданием;

Атрибутивный компонент – выраженный в (14) словом *кое-как* – утверждает малую, хотя и ненулевую, степень проявления признака, выражаемого "главным" компонентом P . Здесь атрибутивный компонент ведет себя иначе, чем в (4): никакого ожидания того, что если P наступит, то будет иметь признак Q (т.е. что если он справится, то кое-как), нет. Смысл отрицательного предложения сводится к отрицанию главного компонента: атрибутивный компонент пропадает вовсе.

В работе [Зельдович 1998] приводится целая серия адverbiallyов, характеризующихся этим специальным поведением в контексте отрицания: *изредка, немного, слегка, с грехом пополам, отчасти* (в терминологии автора, это слова, которые выражают "слабый смысл" – так охарактеризован коммуникативный статус компонентов семантических компонентов предложения, которые соответствуют этим словам). На наш взгляд, отличительные свойства этой группы слов следующие. Это слова с дефектной коммуникативной парадигмой: для них первичная коммуникативная позиция в предложении – это позиция атрибута ремы. Кроме коммуникативной общности, у этих слов имеется еще и семантическая – они выражают семантику слабой степени. В этом смысле они близки к показателям слабой определенности [Падучева 1985: 90, 212], см. примеры (15)–(17), и уступительности, см. (18).

- (15) НЕ (Он имел *определенные* заслуги перед обществом) = Он не имел заслуг;

(16) НЕ (Я испытывал *некоторое* недовольство происходящим) = 'не испытывал недовольства';

(17) НЕ (Я *немного* отдохнула) = Я не отдохнула.

Для *хоть немного* исчезновение в отрицательном контексте семантически мотивировано:

(18) НЕ (У нас осталось *хоть немного* времени) = У нас не осталось (даже немного) времени.

Отрицание атрибутивного компонента с семантикой слабой степени не порождает в семантическом представлении отрицательного предложения компонента с модальностью ожидания:

– Иван говорит, что слегка простужен.

– Едва ли это так [= 'едва ли он простужен'; нет ожидания того, что если он простужен, то слегка].

Теперь вернемся к примерам (4), (5). Замечательный факт состоит в том, что соотношения между словами в предложении и смысловыми компонентами в составе слова одинаковы: компоненты толкования глагола могут быть связаны между собой так же, как атрибут ремы с ремой в (6б). Наличие атрибутивного отношения между компонентами толкования дает тот же эффект, что наличие атрибутивной связи между глаголом и его подчиненным. А именно, имеется два типа контекстов, в которых атрибутивный компонент занимает в составе толкования предикатного слова коммуникативную позицию атрибута ремы и не препятствует наличию у предложения хорошего отрицания.

1. Для предложения (19) со словом *прилететь* отрицание возможно, поскольку мы допускаем контекст, который оправдывает ожидание того, что данная ситуация, если бы она имела место, имела бы именно данный атрибут. Поэтому

(19) *Иванов не прилетел* = '1) не прибыл; 2) ожидалось, что если прибудет, то самолетом'.

2. В толковании слова *касаться* атрибутивный компонент имеет семантику слабой степени. Отсюда эффект, демонстрируемый примером (4), когда под отрицанием атрибутивный компонент выпадает из семантического представления бесследно.

Глаголы *касаться*, с одной стороны, и *прилететь* – с другой, имеют в толковании атрибутивный компонент; однако у *касаться* этот компонент имеет семантику слабой степени, и при отрицании просто выпадает, см. (1); а у *прилететь* атрибутивный компонент с обычной семантикой; отрицание главного компонента требует в этом случае контекста ожидания.

В толковании не выражаются коммуникативные различия, которые в предложении выражены порядком слов, как в (6а) и (6б). Так что коммуникативная позиция атрибутивного компонента в толковании не однозначна. Так, в (20) отрицание строится по формуле (II'') – сохраняется дизъюнкция возможностей; очевидно, от балки ожидается не импликация – если контакт, то с давлением, – а просто контакт и давление сразу:

(20) *Балка не упирается в стену* = 'то ли 1) нет (даже малейшего) контакта; то ли 2) в месте контакта X не оказывает давления на стену'.

Возможно смещение акцента на атрибутивный компонент, которое достигается переносом фразового ударения на глагол. Так, в (21) ассертивным оказывается как раз атрибутивный компонент – в том смысле, что он отрицается при отрицании предложения:

(21) *Ты не оперся\ об мою руку* = 'не перенес тяжесть тела' [контакт, скорее всего, есть];

Х оперся на Y = 1) привел X в контакт с Y-ом; 2) перенес тяжесть тела на X.

Однако атрибутивный компонент толкования, скорее всего, все-таки не может стать главной ассерцией предложения. Интонация может слегка сдвинуть коммуникативный ранг атрибутивного компонента, но не до ассертивного статуса; пример из [Зельдович 1998]:

(22) а. Вода поступает *по капле*, так что ведро наполнится не скоро;

б. ?Вода *капает*, так что ведро наполнится не скоро.

Атрибутивный компонент в толковании слова может быть препятствием для отрицания. Например, глаголов, которым противопоказано отрицание, много среди бытийных. Так, предложения из (23) не имеют хорошего отрицания, поскольку их семантически центральный компонент имеет атрибут; контекст ожидания импликации $P \rightarrow Q(P)$ делает отрицание возможным; в (24) ожидание создается наличием этой ситуации на предшествующем временном интервале (примеры из [Падучева 1997]):

(23) *Выстрел не грянул; *Спор не разгорелся.

(24) Буя уже не бушевала.

Итак, добавляя атрибутивный компонент в число коммуникативных статусов, следует иметь в виду, что природа ограничений, связанных с противопоставлением ассерции – атрибутивный компонент, иная, чем у противопоставления ассерция – пресуппозиция: все ограничения – равно как и их отмена – определяются атрибутивной связью между компонентами, коммуникативной структурой (а именно, отсутствием рематического акцента на атрибуте) и семантикой слабой степени.

Понятие атрибутивного компонента, как представляется, продвигает вперед проблематику взаимодействия глагола с отрицанием, но отнюдь не исчерпывает ее. Например, остаются неизученными эффекты, связанные с присутствием в семантике глагола фигуры Наблюдателя; именно Наблюдатель несет ответственность за отсутствие хорошего отрицания у предложения *Перед ним расстилалась бескрайняя равнина*:

X расстилается перед Y-ом = 1) 'X находится перед взором Наблюдателя';
2) 'Наблюдатель представляет X как широкую и длинную скатерть'.

4. АКЦЕНТНЫЕ СДВИГИ И РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ТОЛКОВАНИЯ

В [Апресян 1974] исследовалось два типа правил взаимодействия смыслов – зачеркивание и добавление компонента. Между тем, следует предусмотреть еще одну возможность: под влиянием контекста компоненты толкования могут перемещаться с переднего плана на задний и обратно, т.е. менять актуализацию. Толкование реструктурируется.

Так, присоединение к слову адъюнкта актуализует в его семантике тот компонент, который составляет его сферу действия, переводя другие на задний план, где они уже недоступны для новых адъюнктов, см. пример (1) (из [Падучева 1996: 172]):

(1) а. Окно было открыто пятнадцать минут;

б. Окно было открыто час назад;

в. *Окно было открыто час назад пятнадцать минут.

Аномальность фразы (1в) имеет следующее объяснение. В семантику глагола СВ *открыть* входят два компонента: 1) произошло событие: изменилось состояние окна; 2) имеет/имело место результирующее состояние, в данном случае – открытое окно. Обстоятельство времени *час назад* актуализует в семантике глагола событийный компонент, а обстоятельство длительности *пятнадцать минут* требует акцента на состоянии. Пример (1в) показывает, что эти две актуализации исключают одна другую.

Аномалии в примере (2) имеют аналогичный источник – в семантике отглагольного имени прилагательное актуализует результат, а глагол или предлог требуют акцента на процессе (или наоборот):

(2) *Удачная *переработка* рукописи длилась много лет;

*После постепенного завершения строительных работ началось заселение дома.

В примерах (3), (4) наречие, в силу своей семантики, характеризует конечное состояние процесса, не сам процесс; поэтому оно сочетается с глаголом в совершенном виде, см. (3а), (4а), и исключено при глаголе несов. вида (в актуально-длительном значении), который актуализует в семантике глагола процессный компонент, см. (3б), (4б):

(3) а. надежно запер;

б. надежно запирает;

(4) а. до конца растаял;

б. до конца тает.

Глаголы *запирать*, *таять* предельные, и в их семантике есть компонент "результатирующее состояние"; но он не актуализован, и потому не может иметь при себе атрибут.

Эти примеры показывают, что при синтаксическом соединении слов друг с другом, равно как и при соединении слов с граммемами, одни семантические компоненты актуализуются, а другие отходят на задний план, где они недоступны для других операторов. При этом речь не идет о зачеркивании соответствующего компонента, которое имеет место, если один компонент прямо противоречит другому: компонент не исчезает, а лишь меняет коммуникативный ранг, см. [Падучева 1999].

Явление контекстного сдвига коммуникативного статуса компонента в толковании может быть продемонстрировано на примере слова *вина*. Слово *вина* производно от *виноват*, в семантике которого можно выделить четыре компонента:

X совершил поступок Р (ассерция);

Р плохой или привел к плохим последствиям (атрибут);

X несет моральную ответственность за Р (импликация);

X находится в плохом психическом состоянии (импликация).

Все те же компоненты имеются в семантике слова *вина*, толкование которого реструктурируется; так, в (5) актуализованы компоненты 'X совершил поступок' и 'поступок плохой'; в (6) – компонент "ответственность", а в (7) – "психическое состояние".

(5) *Вина* Джулии состояла в том, что она оставила ребенка без присмотра;

(6) Ваня свалил *вину* за разбитое окно на соседа;

(7) Непроходящее чувство *вины* перед обреченным не покидало меня.

Это значит, что для получения правильной семантической интерпретации предложения необходим особый тип правил модификации толкования под влиянием контекста, а именно, правила, меняющие актуализацию компонентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы привели примеры правил композиции смыслов (в том числе – примеры смысловых сдвигов, происходящих "на стыках" слов), которые имеют общий характер, т.е. применимы к достаточно крупным классам слов. Совокупность этих правил составляет важную часть семантической компетенции носителя языка. Если окажется возможным представить все изменения "на стыках слов" в виде общих правил, это и будет обоснованием принципа композиционности в его широком смысле.

В дополнение к известным правилам композиции – таким как добавление и зачеркивание компонента в толковании слова, мы предлагаем новый тип правил – реструктуризация толкования. Это правила, которые актуализуют, в определенном контексте, тот или иной компонент в составе толкования слова, делая возможным одни сочетания и исключая другие. Актуализация компонентов связана с их коммуникативными рангами, с одной стороны, и с аргументно-предикатными отношениями между компонентами толкования – с другой.

Важным методом анализа является обнаружение аналогий в отношениях между компонентами в составе толкования и синтаксически выделяемыми частями в составе предложения. Помимо известной связи между ассертивным статусом компонента и рематической позицией слова, следует принять во внимание корреляцию между атрибутивным статусом компонента в толковании и позицией атрибута ремы в предложении*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
- Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Богуславский И.М. 1985 – Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Богуславский И.М. 1996 – Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Богуславский И.М. 1998 – Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36.
- Борщев В.Б., Парти Б. 1999 – Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации // Типология и теория языка: от описания к объяснению. М., 1999.
- Гладкий А.В. 1973 – Формальные грамматики и языки. М., 1973.
- Зализняк Анна А. 1983 – Семантика глагола *бояться* в русском языке // ИАН СЛЯ. 1983. № 1.
- Зализняк Анна А. 1987 – О типах взаимодействия семантических признаков // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
- Зализняк Анна А., Падучева Е.В. 1987 – О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987.
- Зельдович Г.М. 1998 – О типах семантической информации: слабые смыслы // ИАН СЛЯ. 1998. № 2.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. 1996 – К семантике русских причинных предлогов // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996.
- Кустова Г.И., Падучева Е.В. 1994 – Словарь как лексическая база данных // ВЯ. 1994. № 4.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст". М., 1974.
- Мельчук И.А., Холодович А.А. 1970 – К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4.
- Мельчук И.А., Жолковский А.К. 1984 – Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- Падучева Е.В. 1969 – Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1969. Вып. 12.
- Падучева Е.В. 1974 – О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Падучева Е.В. 1996 – Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева Е.В. 1997 – Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. № 2.
- Падучева Е.В. 1998а – К семантике пропозициональных предикатов: знание, фактивность и косвенный вопрос // ИАН СЛЯ. 1998. № 2.
- Падучева Е.В. 1998б – Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36.
- Падучева Е.В. 1998в – Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // ВЯ. 1998. № 5.
- Падучева Е.В. 1999 – Семантика вины и контекстные сдвиги акцентов в толковании лексемы // Научно-техническая информация. Сер. 2. № 8. 1999.
- Рахилина Е.В. 1990 – Синтаксис или семантика. Мюнхен, 1990.
- Филипенко М.В. 1998 – Адвербиалы с плавающей и фиксированной сферой действия // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Шмелев А. 1996 – Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.
- Bach E. 1989 – Informal lectures on formal semantics. New York, 1989.
- Goldberg A.E. 1995 – A construction grammar approach to argument structure. Chicago; London, 1995.

* Автор благодарен В.Б. Борщеву и Барбаре Парти за приобщение к грамматике Монтэгио (в рамках которой принцип композиционности получил точную формулировку) и за плодотворное обсуждение механизмов взаимодействия лексики и синтаксиса, способствовавшее выработке той точки зрения, которая изложена в работе. Автор благодарит также И.М. Богуславского, А.Е. Кибрика, Е.В. Рахилину и М.В. Филипенко за важные соображения и поправки.

- Jackendoff R.* 1993 – Semantic structures. Cambridge, 1993.
- Lakoff G., Johnson M.* 1980 – Metaphors we live by. Chicago, 1980.
- Levin B.* 1993 – English verb classes and alternations. Chicago, 1993.
- McConnell-Ginet S.* 1982 – Adverbs and logical form: a linguistically realistic theory // *Language*. V. 58. 1982.
- Partee D.* 1984 – Compositionality // *Varieties of formal semantics*. Dordrecht, 1984.
- Pustejovsky J.* 1995 – The generative lexicon. Cambridge (Mass.), 1995.
- Russell B.* 1940 – An inquiry into meaning and truth. London, 1940.
- Stalnaker R.C.* 1972 – Pragmatics // D. Davidson, R. Harman (Eds.). *Semantics of natural language*. Dordrecht, 1972.
- Weinreich U.* 1966 – Explorations in semantic theory // T. Sebeok (Td.) *Current trends in linguistics*. V. 3. The Hague: 1966 (Русск. пер.: У. Вейнрейх. О семантической структуре языка // *Новое в лингвистике*. Т. 5. М., 1970).
- Wierzbicka A.* 1969 – *Dociekania semantyczne*. Wrocław, 1969.
- Wierzbicka A.* 1980 – *Lingua mentalis*. Sydney, 1980.
- Wierzbicka A.* 1996 – *Semantics: primes and universals*. Oxford, 1996.